

А. К. МАТВЕЕВ (Свердловск)

ПЕРМСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИКЕ РУССКОГО СЕВЕРА

I

Дискуссия о происхождении субстратной топонимики Русского Севера прежде всего связана с обсуждением следующих проблем: 1) методы исследования, 2) дофинно-угорский субстрат, 3) угорский субстрат, 4) пермский субстрат. Хотя все они образуют единый сложный комплекс, каждая в то же время может служить предметом специального исследования. Предлагаемая статья посвящена пермскому компоненту в субстратной топонимике Русского Севера и содержит некоторые итоги изучения этого вопроса автором.¹

О существовании пермских элементов в субстратной топонимике Русского Севера писали И. А. Шёгрэн, М. Веске, И. Н. Смирнов, М. Фасмер, А. И. Попов, однако они не привели достаточно веских доказательств в пользу «пермской» гипотезы, хотя и высказали немало предположений, заслуживающих внимания. Выводы И. А. Шёгрена о том, что коми-зыряне жили не только к востоку, но и к западу от Сев. Двины², были основаны на интуиции и не подкреплены в достаточной мере фактами. Как методическую сторону работ И. А. Шёгрена, так и его выводы критиковал И. Н. Смирнов³, который вслед за М. Веске считал пермскими названия на *-ма* (< *-ва*, ср. коми-зыр. *ва* 'вода') и *-юг*, *-юга* (ср. коми-зыр. *ю* 'река').⁴ Но если связь *-юг*, *-юга* с коми-зыр. *ю* в ряде случаев вполне допустима, то переход *-ва* > *-ма* пред-

¹ А. К. Матвеев, Субстратная топонимика Русского Севера. — ВЯ 1964, № 2, стр. 64—83; его же, Есть ли древнепермская топонимика в Заволочье? — СФУ I 1965, стр. 207—212; его же, Дофинно-угорская гипотеза и некоторые вопросы методики топонимических исследований. — СФУ III 1967, стр. 139—151; Б. А. Серебрянников, О причинах возникновения некоторых специфических особенностей развития древнепермского вокализма и консонантизма. — Проблемы современной филологии. Сборник статей к семидесятилетию академика В. В. Виноградова, Москва 1965, стр. 238—241; его же, Об окраинных говорах и диалектах языка коми. — СФУ I 1965, стр. 99—104; его же, О гидронимических формах *-нга*, *-юга*, *-уга* и *-юг*. — СФУ II 1966, стр. 59—66; А. А. Афанасьев, Общая основа гидронимов на *-ю*, *-юг*, *-уг*, *-ег*, *-юга*, *-уга*, *-ега*, *-юган*, *-еган*, *-я*. — СФУ II 1966, стр. 303—307.

² J. A. Sjögren, Die Syrjänen. Ein historisch-statistisch-philologischer Versuch. — Gesammelte Schriften I, Sankt Petersburg 1861, стр. 292, 300—301, 317—318, 320—321.

³ И. Н. Смирнов, Пермьяки. Историко-этнографический очерк. — Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском университете, т. IX, вып. 2, Казань 1891, стр. 40—45.

⁴ М. П. Веске, Славяно-финские культурные отношения по данным языка, Казань 1890, стр. 10—12; И. Н. Смирнов, Пермьяки, стр. 80—81.

ставляется сомнительным. «Пермские» штудии М. Фасмера⁵, пожалуй, — самые слабые из топонимических опусов выдающегося ученого, так как убедительных этимологий топонимов, относящихся к территории Русского Севера, в них очень мало и положение о том, что пермяне в древности жили в бассейне Сев. Двины, остается недоказанным. Положительно относится к «пермской» гипотезе и А. И. Попов, который приводит несколько прозрачных коми-зырянских этимологий для названий на юга на территории Коми АССР и прилегающих районов Заволочья.⁶

В последнее время «пермская» гипотеза подвергнута критике в работах Б. А. Серебrenникова и А. А. Афанасьева, в которых возрождается предположение Д. П. Европеуса об угорском происхождении субстратной топонимики Русского Севера.⁷ Так как о методической стороне вопроса речь уже шла⁸, остановимся здесь только на недавно опубликованной статье А. А. Афанасьева, который исходит из превратного представления об адаптации топонимического субстрата, так как предполагает, что топоформанты древнее топооснов⁹ (*Нюрюг* — коми-зыр. *нюр 'болото'* + допермское, а именно угорское *юг 'река'*). Разумеется, морфемы в составе топонимов могут быть гетерогенны (ср. *Пинега* и *Пинеж-ка*, *Ноза* и *Ноз-ица*, в которых легко вычленяется русский словообразовательный элемент), однако в топонимике Русского Севера, как правило, обнаруживается наложение более поздних по происхождению суффиксов на древние основы (или топонимы, в составе которых уже есть суффиксы, ср. озеро *Ухт-омь-яр-ское*), тогда как по А. А. Афанасьеву, генетически более поздняя основа насаивается на древний формант, что совершенно исключено. Конечно, в топонимике довольно часто встречаются случаи народной этимологии и гибридизации (ср. на Русском Севере — *Беломень*, *Якоркuryя*, в Коми АССР — *Медвежий-Ю*, *Пальник-Ю*, *Водопой-Ель*, *Прости-Здорова-Ель*), но они представляют собою принципиально иное явление и по отношению ко всей массе субстратных топонимов относительно редки. Не помогает автору и предположение о том, что коми-зыр. *ю* заимствовано из угорских языков, так как элементы *-юг*, *-юга*, если они даже генетически связаны с угорскими языками, что, кстати, допускать совсем не обязательно¹⁰, в топонимических конструкциях выступают уже как факты пермских языков.

К трудам Д. П. Европеуса и угорской гипотезе, конечно, надо относиться со вниманием: в принципе отрицать возможность существования угорских элементов на Русском Севере нельзя, но сколько-нибудь надежных доказательств этого пока нет. Гипотеза Д. П. Европеуса была подвергнута убедительной критике уже в работах И. Н. Смирнова.¹¹

⁵ M. Vasmer, Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas IV. Die ehemalige Ausbreitung der Lappen und Permier in Nordrußland. — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philologisch-historische Klasse XX, Berlin 1936, стр. 176—270.

⁶ А. И. Попов, Основные задачи исследования финно-угорской и самодийской топонимики СССР. — Вопросы финно-угорского языкознания, Москва—Ленинград 1964, стр. 210.

⁷ Д. П. Европеус, К вопросу о народах, обитавших в средней и северной России до прибытия славян, ЖМНП 1868, ч. 139, стр. 55—71; его же, Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России, в Финляндии и в северной части Скандинавии до прибытия туда нынешних их жителей, Санкт-Петербург 1874.

⁸ См. А. К. Матвеев, Есть ли древнепермская топонимика в Заволочье?; его же, Дофинно-угорская гипотеза и некоторые вопросы методики топонимических исследований.

⁹ А. А. Афанасьев, указ. раб., стр. 304.

¹⁰ В виду фин. *joki*, кар. *jogi*, саам. *jokk(a)*, коми-зыр. *ju* (<**ju*?) и т. д.

¹¹ И. Н. Смирнов, указ. раб., стр. 47—53.

Добавим, что почти все «угорские» форманты в микротопонимике, которые выделяет Д. П. Европеус (-лахта, -матка, -нема, -ранда и ряд других)¹², оказываются на деле прибалтийско-финскими.¹³ Разумеется, сказанное не означает, что надо прекратить поиски угорских элементов в топонимике Заволочья, но для этого прежде всего нужно располагать достаточным материалом, который следует объективно и доказательно интерпретировать. Между тем А. А. Афанасьев очень свободно толкует факты. Так, коми-зыр. ёль 'ручей' возводится к «угорскому» **juv* 'река'¹⁴ через промежуточную форму **jev*, но автор не учитывает, что в коми языке $l > v$, а не $v > l$ и что в слове ёль не твердое *l*, а мягкое *l*. Все это характеризует уровень работы А. А. Афанасьева.

Трудности рассматриваемой проблемы весьма значительны. Прежде всего можно считать доказанным, что последний по времени пласт субстратной топонимике на Русском Севере образуют прибалтийско-финские и саамские элементы, что доказывается фонетическим анализом топонимов и наличием множества прибалтийско-финских микротопонимов и названий населенных пунктов.¹⁵ Этот пласт распространен по существу на всем Русском Севере и выклинивается только на юго-востоке Заволочья, где граница прибалтийско-финской микротопонимике совпадает с границей прибалтийско-финских по происхождению полупереводных конструкций на -озеро и др. Таким образом, если пермская топонимика была в Заволочье, то она в большинстве случаев должна была быть субсубстратной или же не обладать некоторыми специфическими особенностями пермских географических названий (например, наличием начальных звонких *б, д, г, ж, з*). Отсюда следует, что выявление пермской топонимике в Заволочье очень трудно, так как большинство фонетических критериев неприменимо вследствие прибалтийско-финской адаптации названий. Но необходимость исходить из существования двух этапов адаптации — прибалтийско-финского и русского — усложняет эту проблему: в условиях двойной адаптации изменения могут быть значительнее, чем при непосредственном заимствовании топонима. Между тем сравнение полевых записей с материалом исторических источников дает немало примеров кардинальной переработки и при адаптации поздних прибалтийско-финских названий: ср. *Фёхтальма, Пёртема, Пёрховта* из *Хехта-лема* (< -нема), *Перт-нема, Перх-лахта*.

Вторая трудность состоит в том, что на территории Заволочья могли существовать различные ныне вымершие пермские или близкие к ним этнические элементы. Поэтому вопрос о пермянах в Заволочье нужно ставить очень осторожно: здесь могли быть и коми-зыряне, и неизвестные нам пермские племена, и финно-угры, говорившие на особых прибалтийско-волжско-пермских языках. Речь, следовательно, должна идти не о том, что вместо «прикамской» прародины пермян надо говорить о «севернорусской» их прародине, а о том, имелись ли в топонимике Заволочья пермские (в самом широком смысле слова) или прибалтийско-волжско-пермские (но не прибалтийско-финские!) элементы.

II

В исторических источниках есть прямые указания на то, что пермяне жили на территории Заволочья. В документе 1484/1485 года говорится:

¹² Д. П. Европеус, Об угорском народе..., стр. 12—13.

¹³ А. К. Матвеев, Субстратная топонимика Русского Севера, стр. 71—73.

¹⁴ А. А. Афанасьев, указ. раб., стр. 304—305.

¹⁵ А. К. Матвеев, Субстратная топонимика Русского Севера, стр. 69—74.

«А что переделки на Пенеге в станах Перемский и Сура Поганая, то удореном до них дела нет — потому: они присуду Двинские земли, Кегрольские». ¹⁶ Пермская (Перемская) волость постоянно упоминается в документах XVI—XVII вв. ¹⁷ Имеются некоторые сведения о том, что коми-зыряне вплоть до конца XVIII в. жили в верховьях р. Устья (приток Ваги). ¹⁸ Есть прямые свидетельства пребывания пермян в Заволочье и в этнопонимике, ср.: д. *Перемское* (Пинежский р-н Архангельской обл.), *Перемецкий* ручей и *Перемецкая* гора в верхнем течении реки Пинеги (Верхне-Тоемский р-н Архангельской обл.), село *Пермогорье* (*Пермогоры*, *Пермогорский погост*) в верхнем течении Сев. Двины, оз. *Пермское* в низовьях Сев. Двины. ¹⁹ Данные исторических памятников и этнопонимике согласуются между собой и указывают на то, что пермяне в период русской колонизации жили в восточном Заволочье и прежде всего в бассейне Пинеги, но, очевидно, не сплошной массой, а отдельными поселениями (волостями).

Изучение микротопонимике Заволочья, а также названий населенных пунктов, которые в целом образуют более поздний пласт по сравнению с гидронимикой, также подтверждает тезис о том, что пермские этнические группы населяли восточную часть Заволочья. Хотя пермские элементы в микротопонимике и названиях населенных пунктов сравнительно немногочисленны, их исследование позволяет внести некоторые уточнения в границы расселения пермян на юго-востоке и северо-востоке рассматриваемого региона.

Первую группу составляют пермские (?) топонимы юго-восточного Заволочья, протянувшиеся широкой полосой от верховий Пинеги к реке Устья. К ним относятся:

1. *Керас*. 9 названий урочищ и населенных пунктов в юго-восточной части Архангельской области. Слово отмечено и в местных русских говорах — *керас* 'крутой берег'. В топонимике очень часто сочетается со словом *высокий* (*Высокий Керас*). Связано с коми-зыр. *керӧс*, известном в том же значении. Б. А. Серебренников сопоставляет с хант. *karəs* 'высокий' ²⁰, что недопустимо, так как ударяемое *a* на русской почве между твердыми согласными не может перейти в *e*. Это слово встречается и в мансийской топонимике (*керас* 'гора, скала') ²¹, но оно заимствовано из коми языка. ²²

2. *Керга*. 5 населенных пунктов и несколько урочищ. В гидронимике на юго-востоке Архангельской области это название не встречается, что доказывает непосредственную связь его с населенными пунктами или урочищами. Сопоставляется с коми-зыр. *керка* 'изба' (в языке субстрата 'населенный пункт'). Надо отличать от многочисленных в юго-западной части Заволочья названий рек и озер типа *Кергозеро*, *Кергиши*, которые,

¹⁶ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси III, Москва 1964, № 291а, стр. 310.

¹⁷ А. Соболевский, Древняя Пермь (К вопросу о Биармии). — Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском гос. университете, т. XXXIV, вып. 3—4, Казань 1929, стр. 23.

¹⁸ Н. И. Ульянов, Очерки истории народа коми-зырян, Москва—Ленинград 1932, стр. 28.

¹⁹ Сборник грамот коллегии экономии II, Ленинград 1931, № 18 (1655 г., стлб. 44).

²⁰ Б. А. Серебренников, О гидронимических формантах *-ньга*, *-юга*, *-уга* и *-юг*, стр. 64.

²¹ Е. И. Ромбандеева, Основные типы мансийских географических названий. — Всесоюзная конференция по топонимике СССР 28 января — 2 февраля 1965 года. Тезисы докладов и сообщений, Ленинград 1965, стр. 207.

²² D. R. Fokos-Fuchs, Aus dem Gebiete der Lehnbeziehungen. — ALHung. III 1953, стр. 239.

по мнению М. Фасмера, прибалтийско-финского происхождения (фин. *kärki*, эст. *kärg* 'черный дятел').²³

3. *Лагмас*. Отмечено 6 раз в названиях урочищ юго-востока Архангельской области. В лексике засвидетельствовано в значении 'заболоченный лес с буреломом'. Этимологически связано с эст. *vbhmas* 'остров в болоте'. Соответствующий вариант *вагмас* наряду с *лагмас* также встречается в лексике русских народных говоров и топонимике юго-восточной части Заволочья. Слово не засвидетельствовано ни в одном из лексикографических источников коми языка, но его связь с пермскими элементами вполне возможна, хотя доказательства этого косвенны. Так, в Камышловском районе Свердловской области есть село *Зыряны*, рядом с которым находится урочище под названием *Лагмаз*, безусловно коррелятивным с севернорусским *лагмас*. Известно название урочища *Лагмас* в низовьях Сев. Двины.²⁴ Если это пермское слово (безразлично, исконное или заимствованное из какого-либо другого, например прибалтийско-финского, источника), то его распространение свидетельствует о наличии коми-зырянского этнического компонента в низовьях Сев. Двины (ср. ниже).

4. *Чугла*. 7 названий населенных пунктов и урочищ на той же территории. Термин известен в местных русских народных говорах в значении 'возвышенность между реками при впадении одной реки в другую'. Ср. коми-зыр. *чукля* 'кривой', *чукль* 'изгиб, поворот, излучина, лука (реки)'.

Все эти названия образуют широкую полосу в юго-восточной части Заволочья там, где постепенно слабеет зона распространения начального *x* (характерного признака прибалтийско-финских названий), исчезает прибалтийско-финская микротопонимика и полупереводы. Характерно озвончение интервокальных согласных (*керка* ~ *керга*, *чукль*, *чукля* ~ *чугла*), что может свидетельствовать об усвоении пермских топонимов каким-либо прибалтийско-финским языком типа карельского или вепсского. В то же время важно, что описанные географические термины не выступают в роли детерминативов. Это как будто бы указывает на недавнее происхождение рассматриваемых названий. Впрочем, в равной мере возможно, что местные пермские говоры не имели начальных звонких, а озвончение в интервокальном положении, наоборот, было для них характерно и что пермские элементы были привнесены в Заволочье очень поздно, наслоились на прибалтийско-финскую основу и приобрели прибалтийско-финский облик под влиянием этого субстрата.

Вторую группу пермских топонимов в Заволочье образуют названия с детерминативами *-курья* и *-виска*, занимающие промежуточное положение между микротопонимами и гидронимами.

Географический термин *курья* в значении 'заводь, залив (в реке и на озере)' широко распространен в коми языке, однако его исконность оспаривается и, по-видимому, не без оснований.²⁵ Отсюда следует, что пермские топонимы с детерминативом *-курья* относятся к числу относительно новых элементов, привнесенных в Заволочье коми-зырянами. В топонимике Коми АССР названия с детерминативом *-куръя* (на картах *-курья*) обычны, ср. в Припечорье: *Ошкурья* 'медвежья курья',

²³ M. Vasmer, Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas II. Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heutigen slavischen Ländern. — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Berlin 1934, стр. 380.

²⁴ Сборник грамот коллегии экономики I, Петербург 1922, № 76 (1535 г.).

²⁵ Y. Wichmann, T. E. Uotila, Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre, Helsinki 1942, стр. 128.

Ыджыд-Ошка-Курья 'большая медвежья курья', *Яран-Курья* 'ненецкая курья'. Однако даже на территории Коми АССР не все названия с этим детерминативом ясны по происхождению: ср. коми-зыр. *Важкуа* при рус. *Важкурья*, где русская форма древнее соответствующей коми-зырянской, явно деэтимологизированной и поэтому фонетически измененной. Очевидно, рассматриваемый географический термин или был в равной степени известен пермским и прибалтийско-финским языкам Заволочья, или заимствован пермянами у прибалтийских финнов (саамов?) еще до прихода русских. Прибалтийско-финские и саамские соответствия довольно убедительны: ср. фин. *kuru*, саам.-терск. *kurr* 'длинное узкое углубление, залив или ложбина, ущелье или русло с крутыми берегами'.²⁶

Хорошо этимологизируются на прибалтийско-финской почве и некоторые заволочские названия с детерминативом *-курья* (в нижнем течении Сев. Двины): *Тойнокурья* (фин. *toinen*, вепс. *toiñe* 'второй, другой'), *Саздокурья* (фин. *saasta* 'мерзость, зараза', эст. *saast* 'грязь'), *Кивокурья* (фин., кар. *kivi* 'камень'), *Копалкурья* (ливвик. *korral*, люд. *коррал* 'самка глухаря'). Однако часть заволочских топонимов в низовьях Сев. Двины, по Кулою и Мезени явно обнаруживает коми-зырянское происхождение: *Кычан-Курья* (коми-зыр. *кычан* 'щенок, собачка', ср. на территории Коми АССР *Кычан-Шор* и *Кычан-Ыб*), *Буркурья* (коми-зыр. *бур* 'хороший'), *Коскурья* (коми-зыр. *кос* 'сухой'), *Шуткурья* < ? **Шудкуръя* (коми-зыр. *шуд* 'счастье'), *Ежиткерья* < **Ыджыд-курья* (коми-зыр. *ыджыд* 'большой'). Обращает на себя внимание полное отсутствие начального *х* в названиях с детерминативом *-курья* (случай типа *Нюжурья* непоказательны), что подтверждает коми-зырянское происхождение части названий с детерминативом *-курья* и в то же время свидетельствует о своеобразии тех названий, которые могут рассматриваться как прибалтийско-финские.

В северо-восточной части Заволочья, особенно в бассейне Мезени, встречаются и субстратные названия с детерминативом *-виска*, связанным с коми-зыр. *вис* (*виск-*) 'протока, соединяющая озеро с рекой': *Котвиска*, *Кывиска*, *Первиска*, *Почвиска* и др. Эти названия также сравнительно недавнего происхождения.

Таким образом, изучение микротопонимики свидетельствует о том, что пермские по происхождению названия встречаются исключительно в восточном Заволочье: в северо-восточной части они связаны с позднейшим коми-зырянским движением к устью Сев. Двины, а в юго-восточной — с неясными по происхождению пермскими (или прибалтийско-волжско-пермскими) элементами.

III

Обратимся теперь к гидронимике. Бесспорно коми-зырянского происхождения ареал названий с детерминативом *-вожа* (< коми-зыр. *вож* 'приток') в нижнем течении Вашки на территории Лешуконского района Архангельской области (*Байдвожа* 'ивовый приток', *Войвожа* 'северный приток' и т. д.).²⁷ Коми-зырянскими же являются названия на *-важ*, *-ваш* (~ *вож* 'приток') в среднем течении Мезени около населенного

²⁶ SKES II, стр. 247.

²⁷ А. К. Матвеев, Топонимические ареалы *-вей* и *-вожа* на Русском Севере. — Вопросы финно-угорского языкознания, вып. 3. К 70-летию профессора Василия Ильича Лыткина, Москва 1965, стр. 31—34.

пункта *Койнас*²⁸; *Косваж*, *Косваш* 'сухой приток', *Ойваж*, *Ойваш* 'северный приток', *Ягваш* 'борового приток' и др. Нельзя исключить и коми-зырянское (осторожнее — пермское) происхождение названий на *-вей* в бассейне среднего течения Пинеги: *Косвей* (коми-зыр. *кос* 'сухой'), *Кервей* (коми-зыр. *кер* 'бревно'), *Кырвей* (коми-зыр. *кыр* 'обрыв') и др.²⁹

Наконец, вероятно пермское происхождение некоторых гидронимов с формантом *-юга*, сопоставляемых с коми-зыр. *ю* (< **ju*) 'река'. Интересный материал содержится в двух документах по средневековой истории коми³⁰, особенно, если сравнить приведенные факты (см. табл.) с современными названиями рек Коми АССР (для этой цели были использованы картографические источники).

Многие из этих названий имеют прозрачные коми-зырянские этимологии: ср. коми-зыр. *вежа* 'святой', *яй* 'мясо' (ср. *Яйва* на Урале), *кер* 'бревно', *пес* 'дрова'³¹ и т. д. Когда будут уточнены современные формы топонимов (картографические нередко ошибочны), очевидно, окажется возможным этимологизировать и многие другие названия. Среди топонимов на *юга* засвидетельствованы и такие, для которых современные

Бассейн (река)	1484/1485 г.	1608 г.	Современные картографические формы (в написании источника)
Вымь	Сарюга Вежаюга Кусюга Яюга Вожюга Ветюга Вездюга	Сарьюга Вежаюга Кусьюга Яйюга Божюга Ветюга Виздюга	Сар-ю Вежа-ю Курс-ю Яй-ю Божью Ведью Видж-ю
Вашка	Венюга Вежаюга Карюга	— Вежаюга Керьюга	Венью, Вень Вежа-ю Керью
Мезень	Увюга Песюга Еждюга Карюга	Увьюга Песьюга Юждюга —	Увью Песью Ыдж-ю Кер-ю

параллели пока не обнаружены, но которые тем не менее убедительно интерпретируются на коми-зырянской почве; ср. в бассейне Вашки: *Кузюга* (1484/1485), *Кузюла* (1608) < *кузь* 'длинный' (*-юга* < **ju*, *-юла* < ? *jol*); в низовьях Вычегды: *Шюдюга* (1608) < *шуд* 'счастье', *Ошюга* (1608) < *ош* 'медведь'.

²⁸ *Койнас* сопоставляется с коми-зыр. *кӧин* 'волк' (см. А. К. Матвеев, О происхождении севернорусской топонимии на *ас* и *ус*. — Вопросы топонимистики, вып. 1, Свердловск 1962, стр. 181).

²⁹ А. К. Матвеев, Топонимические ареалы *-вей* и *-вожа* на Русском Севере, стр. 29—31.

³⁰ Жалованная грамота великого князя Ивана Васильевича жителям Перми Вычегодской 1484/85 г. — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси III, Москва 1964, № 291а (стр. 308—311); Писцовая книга Яранского уезда 1608 г. — Акты времен правления царя Василия Шуйского, Москва 1914, № 103.

³¹ А. К. Матвеев, Субстратная топонимика Русского Севера, стр. 75—77; А. И. Попов, указ. раб., стр. 210.

Существенно, что все эти названия встречаются в окраинных районах расселения коми, где, очевидно, установился постоянный контакт с прибалтийско-финским, а затем и русским населением. Наоборот, на Сыsole, средней и верхней Вычегде — в центре коми-зырянского ареала — таких названий не находим. Так, в бассейне Вишеры (приток Вычегды) исторические источники фиксируют *Визю, Еню, Тыбю, Одю, Лопю* (1484/1485), *Везью, Тыбью, Одью, Лопью* (1608). Очевидно, коми-зыряне жили здесь сплошной массой, так что с прибалтийско-финским и русским населением не было прямого контакта, необходимого для сохранения древних форм коми топонимов, которые могли уцелеть только при заимствовании их пермским населением до перехода **ju* > *ju*.

Таким образом, пермские названия на *-юга* всегда связаны с зоной прибалтийско-финско-коми и русско-коми контактов. Поэтому находим их и в Припечорье — *Саръюга* ('царская река'?), *Лапъюга, Кыръюга* ('обрывистая река'), *Бродюга* (группа *бр* связана с русским усвоением или гибридизацией). Названия такого типа окружают коми-зырянский ареал, и это понятно: как они могли бы сохраниться у коми-зырян, утративших *ɣ* в форме **ju* (**veža-ju(a)* > *Вежа-Ю*)? Здесь мы имеем хорошую иллюстрацию действию принципа «бокового ареала» (*-юга*), более древнего, чем центральный ареал *-ю*. То же наблюдается и в Прикамье, где несколько реликтовых названий *Юг* окружают центральный ареал с коми-пермяцким детерминативом *-ва* 'вода, река'.³²

Окончание *-а* могло появиться как под русским, так и под прибалтийско-финским влиянием. В коми языке все же, видимо, была форма **ju* 'река'. Об этом свидетельствуют несколько рек *Юг* на Русском Севере и в Прикамье. На это же указывает интересное название протоки в низовьях Печоры — *Важуг* (**važ + *ju*) 'старая река', т. е. 'старика, староречье', что подтверждается и характером объекта.

Может быть высказано предположение, что не **ju* > *-юг, -юга, а, наоборот, ju* > *-юг, -юга*, т. е. *-г, -га* возникло на русской почве, например при переписке документов. Однако эта гипотеза неправдоподобна, так как, во-первых, «суффикс» *-г, -га* в русской топонимике никакой активности не имеет, поэтому не может распространиться и в субстратной, во-вторых, писцы как раз стремились возможно тщательнее переписывать документы, так что о невольном систематическом искажении не может быть и речи, в-третьих, есть параллельные названия рек и деревень, зафиксированные на картах и в словарях (*Нювюга ~ Нюв-Ю*).³³

Показательно также, что на территории коми (в том числе и в грамотах, относящихся к этому региону) все названия имеют окончание *-юга* (а не *-уга*), что еще раз свидетельствует о связи выделяемого детерминатива с древним **ju*. Разумеется, среди таких названий могут быть коми топонимы только по употреблению, а не по происхождению и они могли подвергнуться сильной адаптации: ср. *Цебъюга ~ Цебъюдор*, где начальное *ц* явно чужеродно (? < *ч*, ср. *Чебюга, Чебъюга* в памятниках, а теперь *Себь, Чеб*). Однако никак нельзя допустить, что все названия на *-юга* на территории Коми АССР восходят к докоми субстрату, так как имеется много убедительных этимологий. Кроме того, сплошная лексическая ассимиляция субстратных названий невероятна.

³² А. К. Матвеев, Топонимические типы Верхнего и Среднего Прикамья. — Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции института археологии АН СССР, вып. 2, Москва 1961, стр. 327—328.

³³ Подробнее см. А. К. Матвеев, Дофинно-угорская гипотеза и некоторые вопросы методики топонимических исследований.

Сказанное позволяет считать пермскими и часть примыкающих с запада к коми-зырянскому ареалу севернорусских названий на *-юга*; ср. в бассейне Пинеги: *Вадюга* (коми-зыр. *вад* 'топь, озерко'), *Изюга* (коми-зыр. *из* 'камень').

Тем не менее, было бы грубой ошибкой утверждать, что все названия на *-юга* и особенно *-уга* являются пермскими: прибалтийско-финское *joki* при закрытости звука *o* может отражаться в виде **jugi*. Надо также учитывать, что прибалтийско-финским и саамским наречиям мог быть известен переход *o > u* (ср. саам. *šokka* 'гора' и субстратный термин *Чуга*).³⁴ Наконец, здесь могло иметь место взаимодействие (выравнивание) на русской почве, когда прибалтийско-финские и саамские названия на **jog(a)* были сближены с пермскими на **jug(a)*. Чем дальше от границ коми к западу, тем больше убедительных прибалтийско-финских и саамских этимологий для названий на *-юга*, *-уга*: *Меньдюга* (фин. *mäntu*, кар. *mändü*, люд. *mänd* 'сосна'), *Мудьюга* (фин. *tuta*, кар., люд., вепс. *tuda* 'ил, тина', ср. эст. *Mudajõgi* 'тинистая река'), *Немнюга*, в грамотах *Немьюжская волость*³⁵ (фин. *niemi*, кар. *niemi*, вепс. *ñet* 'мыс'), *Нойдуга* (фин. *noita*, кар. *noida*, *noita*, вепс. *noid*, саам. *noïḃ̃e*, *noai'de* 'колдун'), *Педруга* (фин. *peura*, кар. *petra*, *pedra*, вепс. *pedr* 'дикий северный олень'). Точную границу между пермскими и прибалтийско-финскими названиями провести трудно, тем более, что те и другие могут восходить к вымершим прибалтийско-волжско-пермским источникам. Однако в своем большинстве этимологии из пермских языков связаны с топонимикой северо-востока и юго-востока Заволочья.

Еще более спорен вопрос о названиях на *-юг*³⁶, которые несмотря на ряд близких коми-зырянских соответствий (*Нюрюг* — *нюр* 'болото', *Кузюг* — *кузь* 'длинный'), могут быть даже и не пермскими, а относиться к какому-то финно-угорскому языку, близкому к саамскому.

Есть ли другие пермские названия в Заволочье? К ним, возможно, относится часть названий на *-ас* в бассейне Мезени, хотя Б. А. Серебренников, видимо, не без оснований указывает на то, что для живых пермских языков топонимические названия на *-ас* не характерны.³⁷ Впрочем, к числу таковых можно, например, отнести *Койнас* (коми-зыр. *кӧйн* 'волк'), *Кырас* (коми-зыр. *кыр* 'обрыв'), *Чулас* (коми-зыр. *чул* 'выдра').³⁸ Однако при сравнении названия *Чулас* с *Чуломатка*, характеризваемым явно прибалтийско-финским или саамским детерминативом *-матка* 'путь', возникают сомнения в пермском происхождении основы *чул-* и появляется возможность толковать эту основу на иной почве.

Очень интересна и значительная группа названий на *-важ* в юго-восточной части Заволочья, имеющих варианты *-баж*, *-баш*, *-ваш*, *-маж*, *-маш* и сингармоничные соответствия *-веж*, *-беж*, *-меж*, *-меш*. Ближайшая параллель для этих наименований обнаруживается в коми-зырян-

³⁴ Подробнее см. А. К. Матвеев, Топонимические элементы *явр*, *ягр*, *яхр* (озеро) на Русском Севере. — Известия АН СССР. Серия географическая 1965, № 6, стр. 18.

³⁵ Сборник грамот коллегии экономики II, № 64 (1681 г.).

³⁶ См. А. К. Матвеев, О некоторых севернорусских топонимических типах. — Лингвистический сборник, вып. I, Свердловск 1963, стр. 80.

³⁷ Б. А. Серебренников, О гидронимических формантах *-ньга*, *-юга*, *-уга* и *-юг*, стр. 64.

³⁸ А. К. Матвеев, О происхождении севернорусской топонимики на *ас* и *ус*, стр. 18.

ском и удмуртском *вож* 'приток'. Сюда же, очевидно, относится и название большой реки *Вашка* (< *важ* + *ка*). Зона этих названий примыкает с востока к ареалу прибалтийско-финской микротопонимики. Финно-угорский характер рассматриваемого языка не вызывает сомнений, однако сингармонизм форманта, в роли которого выступает географический термин, заставляет думать о субстрате, перекрытом каким-либо языком с сингармонизмом, например прибалтийско-финским, при этом ареал *важ* шире ареала *веж*, следовательно, сингармоничное перекрытие распространилось не на весь ареал. В пользу связи этих названий с пермскими языками говорит явное преобладание односложных топооснов над многосложными (80 и 20%) и структур типа CV и VC (50% от общего числа топонимов), в чем можно усмотреть отражение процесса отпадения конечных гласных и согласных, характерного для пермских языков. Смущает отсутствие начального *ш*, обычного в пермских языках. Этимологизация очень трудна вследствие усеченности древних основ³⁹ и субстратного характера языка-источника.

Попробуем использовать фонетические критерии для определения места этого языка, сопоставив его с названиями на *-юга* и *-юг*. Сужение гласных не подходит для этой цели в силу многообразия возможностей его отражения. Кроме того, неизвестна исходная форма и без убедительных опорных этимологий, которых пока нет, сужение гласных как критерий для различения топонимических типов не может быть использовано. Однако для указанной цели подходит критерий деназализации в силу ее определенности и отсутствия необходимости обращаться к этимологии. Важно одно, есть носовые в препозиции к другим согласным в консонантных группах или нет? Обратимся к фактам.

В памятниках, относящихся к территории Коми АССР, нет твердо установленных фактов употребления консонантных групп с *м*, *н* в препозиции в названиях на *-юга* (ср. сомнительные случаи *Немзюга* — 1485 г., *Немзюга* — 1608 г., *Лантюга* — 1485 г., в настоящее время — *Латьюга*, *Латью*). На территории Заволочья в названиях на *-юга*, *-юга* носовые звуки в консонантных группах в препозиции обычны: *Мундюга*, *Меньдюга*, *Лундюга*, *Сендуга*, *Пундуга* (ср. в названиях на *-юг* — *Имзюг*, *Лантюг*, *Нимчуг*, *Синьдюк*). В названиях же на *-важ* консонантные группы с носовыми в препозиции не отмечены. О чем это может свидетельствовать? Во-первых, о том, что названия на *-юга* на территории Заволочья — пермские и принадлежат такому языку, в котором никакой более или менее последовательной деназализации не было. Во-вторых, о том, что эти названия — пермские, восходящие к периоду, предшествующему деназализации. В-третьих, о том, что имеются как пермские, так и пермские названия (наиболее вероятная точка зрения). В-четвертых, о том, что названия на *важ*, в структурном отношении близкие к пермским (основы типа CV — VC), соответствуют и пермскому критерию деназализации.

Выводы

1. Существование пермских элементов в субстратной топонимике Заволочья не подлежит сомнению, однако они связаны с восточной частью Заволочья, прежде всего с бассейном Пинеги, правобережьем

³⁹ В. Н. Топоров, Несколько иллирийско-балтийских параллелей из области топониматики. — Проблемы индоевропейского языкознания, Москва 1964, стр. 53.

низовий Сев. Двины и ее верхним течением. Эти элементы разновременны и восходят к различным вымершим диалектам и языкам. В ряде случаев целесообразно говорить не о пермских, а о прибалтийско-волжско-пермских элементах (названия на *-важ*, *-юг*). Вопрос о существовании пермских элементов в левобережье Сев. Двины остается открытым. Явных доказательств этого нет.

2. К поздним коми-зырянским элементам северо-востока Заволочья надо относить названия на *-вожа*, *-виска*, частично на *-курья*. Спорно происхождение терминов-топонимов *керга*, *керас*, *лагмас*, *чугла* (юго-восток Заволочья), однако есть основания относить их к пермским. В связи с этим более убедительна и пермская этимология элемента *-кары* (коми-зыр. *кар* 'город') в *Тоймокары* (юго-восточное Заволочье), так как фин. *kari* 'риф, подводный камень, мель' не соответствует характеру объекта.

3. Названия на *-юга* гетерогенны. На территории Коми АССР, а отчасти и прилегающих к ней районов Заволочья, они связаны с пермскими источниками, однако на территории самой Двинской земли многие названия на *-юга*, *-уга* имеют прибалтийско-финское и саамское происхождение.

4. Выявляется важная группа изоглосс, объединяющих юго-восточную часть Заволочья: детерминативы *-юг*, *-сор*, *-важ* с согласными в исходе противостоят детерминативам с конечным гласным *a* (*-юга*, *-сора*, *-вожа*), распространенным на севере и западе Заволочья.

5. Сравнение древних и новых форм коми гидронимов дает интересный материал для разработки методов топонимических исследований и для изучения истории контактов коми с другими народами.

A. K. MATVEJEV (Sverdlovsk)

PERMIAN ELEMENTS IN THE SUBSTRATAL TOPONYMY OF NORTHERN RUSSIA

1. The existence of Permian elements in the substratal toponymy of Zavoločje is beyond all doubt, but these elements belong to the eastern part of Zavoločje, mainly to the Pinega valley, to the right bank of the lower reaches of the Northern Dvina as well as to its upper reaches. These elements are chronologically different and derive their origin from different dead dialects and languages. Sometimes we deem it expedient not to speak of the Permian elements, but of the Baltic-Fennic-Volga-Permian ones (words with the formants *-важ*, *-юг*). The problem of the existence of Permian elements on the left bank of the Northern Dvina is not settled. There is no conclusive proof.

2. The words with the formants *-вожа*, *-виска*, *-курья* are considered to be the latest Komi-Ziryene elements of the North-East Zavoločje. The origin of the terms *керга*, *керас*, *лагмас*, *чугла* (South-East Zavoločje) is disputable, though there is some reason to attribute them to Permian elements. The Permian etymology of the element *-кары* (Komi-Ziryene *кар* 'town') in *Tojmokary* (South-East Zavoločje) seems to be more convincing in this connection, since Fin. *kari* 'reef, snag, shoal' does not correspond to the character of the object.

3. The words with the formants *-юга* are heterogeneous. They are of Permian origin on the territory of the Komi A.S.S.R. and partly on the territory of the neighbouring districts of Zavoločje; however, on the territory of Zavoločje itself, the words with the formants *-юга*, *-уга* are of Baltic-Fennic and Lappish origin.

4. An important group of isoglottic lines appears in South-East Zavoločje: the determinatives *-юг*, *-сор*, *-важ* with words ending in a consonant are contrasted with the determinatives with the words ending in the vowel *a* (*-юга*, *-сора*, *-вожа*), which occur in the northern and western parts of Zavoločje.

5. A comparison of the ancient and modern forms of Komi hydronyms provides interesting material for elaborating methods of toponymic research and for the history of the contacts of the Komi people with other ethnic groups.